

The question whether it is reasonable to create a new treaty which would become a worldwide standard is highly debatable. On the one hand, the Council of Europe's Convention on Cybercrime was developed mostly by European countries, considering the cultural and legal peculiarities of these countries. Some even say that the Convention has already become out-of-date. Also, the countries that didn't take part in drafting the convention would have it thrust upon them. On the other hand, the creation of a new treaty addressing the cybercrime problems in a different way can become a barrier for the constructive processes that have been launched by the already existing Convention. Having existed for more than seven years, the Council of Europe's Convention on Cybercrime has the widest coverage of any international treaty of this kind, covering one third of current internet users. For these reasons, we believe that the work on increasing a number of signatories and ratifications of the existing Convention on Cybercrime to make it really a worldwide act seems more reasonable than the development of a brand new treaty.

**Берш А. Я.**

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,  
аспирант кафедры уголовного права*

## **МИШЕЛЬ ФУКО И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПТЫ**

На философско-правовых воззрениях французского историка, социолога, криминолога Мишеля Фуко лежит печать идей Ф. Ницше и З. Фрейда. В 1971 г. во Франции по его инициативе была создана «Группа информации о тюрьмах», в чью задачу входило изучение условий содержания заключенных и информирование о них общественности. Работа в этой группе позволила М. Фуко создать объемное исследование «Надзирать и карать: рождение тюрьмы» (1975), основные положения которого явились развитием его концепции отношений между властью и насилием, преступлением и наказанием.

В своих работах М. Фуко предложил новое видение философско-правовых проблем европейской истории, которую он рассматривает с XIII по XX в. Отвергая традиционные объяснительные схемы и термины, он попытался подойти к проблемам власти и насилия с позиций нового метода, который назвал «археологическим».

М. Фуко исходил из предпосылки, что власть всегда представляла собой для человеческого рассудка нечто загадочное, таинственное, внушающее смешанные чувства ужаса и восхищения. В ней всегда ощущалось присутствие чего-то демонического. Главным ее объектом, то есть предметностью, над которой она распространяла свое влияние, являлось, по преимуществу, человеческое тело. Разные типы государств и исторических эпох различались между собой прежде всего тем, что в одних условиях социальный контроль осуществлялся через прямое воздействие на

человеческое тело, а в других – через опосредованные акции по отношению к нему. При этом суть власти всегда оставалась одной и той же: она была средством, позволяющим заставить конкретного субъекта сделать то, что тот не стал бы делать, будь на то его полная воля.

М. Фуко выделял два основных уровня анализа власти. Первый, «микрологический», предполагал исследование деятельности индивидуальных субъектов власти, принимающих решения, намечающих цели и берущих на себя ответственность за все, что связано с их достижением. Второй уровень, «макрологический», – это анализ безличных систем, распределяющих власть, упорядочивающих отношения между различными субъектами и превращающих, при надобности, индивидов в страдательные объекты, не способные вырваться из «сетей власти».

Согласно концепции М. Фуко, «сети власти» начинают обретать вид, приближенный к современному, с XVII–XVIII вв. С этого периода в Европе складываются новые механизмы и процедуры власти, которые, по мысли М. Фуко, имеют дело не столько с правом и наказанием, сколько с дисциплиной и контролем.

Складывалось новое или, как его называл М. Фуко, дисциплинарное общество, вбравшее в себя целый ряд нормативных моделей – модель машинной организованности, модель военных методов управления и модель тюремной дисциплины, заставляющих общество подчиняться определенной системе директив и приказов.

Основная задача тюрьмы как социального института состоит не в ограничении свободы индивида, а в трансформации его поведения и личности. Являясь совершенным дисциплинарным аппаратом, напоминающим одновременно казарму и завод, школу и госпиталь, тюрьма охватывает все стороны человеческой жизни, контролируя их и подчиняя определенным стандартам.

Наиболее характерным воплощением идеи тюрьмы как дисциплинарного пространства М. Фуко считал проект английского правоведа и философа XVIII в. И. Бентама «Паноптикум». В нем дисциплинарный принцип «всепоподнадзором» и тактика социальной оптики приняли зримый характер тюремной архитектуры особого типа. Это довольно сложное сооружение, где все камеры освещены и просматриваются надзирателями. Каждая из них – подобие маленького театра с актером-заключенным на сцене. Его поведение на виду, но он сам никого не видит. Здесь действует уже не принцип темницы. Вместо этого человек подвергается испытанию светом. Он наказан постоянным пребыванием на виду у надзирателей. Это ощущение своей постоянной подконтрольности, поднадзорности составляет суть наказания. Более того, это наглядное воплощение принципа власти в дисциплинарном обществе, где властные механизмы предельно мощны и эффективны. Приходя к этим выводам, М. Фуко, по сути, прослеживает динамику социально-исторического генезиса неправовых, то-

талитарных режимов, ставших предельным воплощением идей дисциплинарного общества.

Исследуя механизмы европейского правосудия в их традиционных и современных формах, М. Фуко утверждает, что истинные причины правовых реформ XVIII в. заключались не в том, что философов-гуманистов, французских просветителей потрясла жестокость существовавших тогда карательных мер, пыточного следствия и применявшихся казней, а в том, что они обнаружили малую эффективность всех этих средств. Отсюда и возникла задача: судебные реформы в европейских государствах необходимы для того, чтобы наказывать не меньше и слабее, а рациональнее и эффективнее.

Правосудие начинает как бы стыдиться прикосновений к телу: роль пыток и побоев заметно уменьшается. Даже к смертной казни работники пенитенциарной системы начинают относиться не как к радикальной манипуляции с человеческим телом, а как к средству лишения преступника его главного права – права на жизнь.

Сквозь призму проблем наказания, тюрьмы, смертной казни М. Фуко рассматривает логику метаморфоз, совершающихся в европейском массовом правосознании на протяжении Нового и Новейшего времени. При этом он обнаруживает, что стереотипные оценки этих перемен как «роста гуманности», увеличения степени цивилизованности оказываются далеки от понимания истинной сути того, что происходило. На самом деле это была логика рационализации, неуклонного повышения степени подконтрольности, нормированности социальной жизни индивидов, историческим результатом которой стало в XX в. массовое возникновение тоталитарных форм социальности, в которых право и закон, перейдя меру допустимого, превратились в собственные противоположности.

**Бухтиярова Е. С.**

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,  
аспирант кафедры уголовного права*

## **ГЛЕНВИЛЛЬ УИЛЬЯМС И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ДОКТРИНЫ ОБЫЧНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Гленвилль Уильямс – учёный-юрист, профессор юриспруденции Кембриджского университета родился 15 февраля 1911 года. Всю свою жизнь он посвятил науке, юриспруденции. Его многочисленные научные труды легли в основу реформирования права и законодательства. Инновационные идеи, свежий взгляд на устоявшиеся истины, благосклонность к коллегам и неподдельная скромность снискали Гленвиллю Уильямсу уважение не только среди коллег и соотечественников, но и среди простых людей, далёких от юриспруденции.